

Старик из Эллады

Николай ЩЕРБИНА

1821, д. Грузко-Еланинская, под Таганрогом- 1869, Петербург

Возможна ли безобидная борьба со злом? Но как разоблачать, никого не задевая ни словом?

Эту, видимо, неосуществимую задачу поставил перед собой Николай Щербина - поэт, стоявший особняком от всех литературных течений, с нескрываемым презрением называвший писателей, слишком погрязших в писательстве, не литераторами, а "литературщиками". Он бы вполне мог переделать известный афоризм на свой лад: "Чем больше я узнаю писателей, тем больше люблю собак". Такое насмешливое отношение к российским борзописцам, с легким сердцем променявшим служенье музам на служенье суете, образовалось у него от несопоставимости окружавшей его мещанской жизни с образами Эллады, с детства жившими в его сердце.

Его бабушка по матери была греческой эмигранткой, и он, по собственному признанию, "воспитывался под преданиями и песнями ее родины". Свои первые романтические оды он посвящал греческим борцам против турецких захватчиков: "Средь долины бойцы пиروвали. Перед ними в цветах, С пылкой страстью в очах, Молодые гречанки плясали".

Он с упоением нырял в подобную душеспасительную архаику, воображая самого себя в древнегреческой тунике, но не с кинжалом в руке, а с "веткой душистой", при помощи которой он хотел победить всю неправду мира. Его наивное самоупоение: "Я любимое чадо природы, Я опасный соперник богов, - И за дар благодатной свободы Я поспорить с богами готов" вызвано не столько жаждой жизни, сколько жаждой этой жажды, но от неутоленности постепенно превратившейся в насмешливость, все более ядовитевшую с каждым годом.

В стихах Щербины не было пушкинской порывисто летучей грациозности, больше чувствовалась лермонтовская угрюмоватая тяжкоступая походка: "Средь невнимания, ничтожества, презренья Мой грустный путь извилисто лежит, И запер я в груди и силы и стремленья, И мысль моя насильственно молчит, .". В декабре 1825-го ему было всего-навсего четыре года, но он успел глотнуть отравленного воздуха с запахом мыла и пеньки, донесшегося от петербургских виселиц до греческих кофеен в Таганроге, куда вместе с ним захаживала мать. Безнадежность николаевщины обернулась для него идиосинক্রазией не только на самодурство монархов, но и на безответственную болтовню красноречивых, но весьма опасных либералов, когда даже самый смелый из них "с оглядкой бредит о свободе".

И при жизни Щербины и после смерти стихи его издавались туго, и многие годы он казался непоправимо забытым. Мало кто знал, что песня "Раскинулось море широко..." , воскрешенная в советское время Леонидом Утесовым, выросла из строк Щербины: "Раскинулось небо широко, Теряются волны вдали... Отсюда уйдем мы далеко, Подальше от грешной земли!". Правда, там был очень смешной конец (почти как в современной вагонной песне): "Спалив бригантину султана, Я в море врагов утопил И к милой с турецкою раной, Как с лучшим подарком, поплыл". Кто знает - может быть, когда это написанное безусловно всерьез четверостишие Щербина читал друзьям, кто-нибудь из них, а то и все вместе дружно покатались со смеху, и он как человек неглупый разгадал сам в себе будущего сатирика.

Его талант был отмечен таким строгим ценителем, как Тютчев, а впоследствии - Герценом, с которым они, возможно, встречались в Лондоне. После выхода в свет первой книжки Щербины "Греческие стихотворения" (1850) Некрасов немедленно предложил ему сотрудничество в "Современнике".

Популярность поэтических афоризмов Щербины была настолько велика, что не было мало-мальски образованного человека, не повторявшего на память его строк: "Мы - европейские слова И азиатские поступки", или: "Я слишком русский человек, Чтоб сделаться славянофилом", или: "Ведь наша мысль не стала делом, А в нашем деле мысли нет...". У него была одинаковая аллергия и к прозападным снобам, для кого запах французских духов был дороже аромата скромных полевых цветов, и к отечественным сладострастным нюхателям онуч. Он терпеть не мог бесчестных выдумок о всеобщем "благоденствии и торжествующей правде" в русской прессе и, по собственному признанию, заболел от этого ханжества "желчной лихорадкой".

В двухтомном издании "Стихотворения Н. Ф. Щербины" (1857) выделяется цикл "Альбом ипохондрика", где собраны эпиграммы, ксении, ямбы, а также другие образцы "всякого сатирического ералаша и школьничества".

Стихами зарабатывать на жизнь не удавалось. А служить без хотя бы показного примиренчества с жизнью, какая она ни есть, без, где надо, поддакивания и как минимум помалкивания было непредставимо. Так называемая общественно-государственная жизнь "эллина из Таганрога" не очень-то складывалась. До сих пор неясно - то ли он на самом деле учился некоторое время в Харьковском университете, то ли только мечтал туда поступить и приписал себе причастность к высшему образованию лишь для того, чтобы выглядеть благолепнее в должности рецензента при Академии наук или чиновника в Отавном управлении по делам печати.

Приходилось служить - то помощником редактора в "Московских губернских новостях", то при товарище министра просвещения князе П. А. Вяземском, приютившем его под своим государственным крылом. Ничто так не сблизает, как общая желчность, и когда "неблагодарный" Щербина окрестил сие заведение "министерством помрачения", то мрачно остроумному князю это наверняка понравилось, и не в качестве ли поощрения он помог Щербине издать двухтомник?

"Сатирическая летопись" Щербины была осуждена многими почитателями за беспощадную издевку над Некрасовым после его верноподданнических стихов, адресованных Муравьеву-вешателю, хотя после покушения Каракозова на Александра II некоторые стихи самого Щербины были восприняты так же. Но кто в мрачные времена самовластья не запутывался от безысходно отчаянного желания верить хоть во что-то, пытаясь отождествлять понятия "государство" и "родина" и жестоко ошибаясь в этом? В стихотворении "Оправдание" Щербина уверял себя: "Но мы к блаженству возрожденья Ступеней нужною легли...". Наверное, так и произошло. Но если человек становится ступенью истории, то на ней он может и поскользнуться.

Щербина остался совсем один и, может быть, жалел, что не покончил самоубийством в двадцать два года, когда был близок к этому.

Ну что же, ведь им самим было предсказано: "Нам грядущая доля известна; Наша кровь никому не нужна, Да и жертва за мысль неуместна, Да и ранняя доблесть вредна... Умереть бы нам, друга, весною: Ничего не осталось для нас, Кроме сказанных с желчью больною, Отрицанья исполненных фраз".

Но многие строки из "Альбома ипохондрика" бьют и сегодня не в бровь, а в глаз. Ну а идеального будущего, где эти стихи не пригодятся, что-то не предвидится.

Жизнь его не слишком ошедрила,
не спасла от зависти, долгов,
и на что был так богат Щербина –
это на отъявленных врагов.
Крутенек был таганрогский эллин,
чьих насмешек не было острей,
на литературщиков нацелен

и на царборцев и царей.
Попадали в рифмы, словно в полымя, ш
шеф жандармов, лжив и пошл,
тайные советники бесполые - полые
Отечества столпы.

Сплетни шли:

"Чужак... Пришелец с Крита... "

Он теперь ушелец навсегда.
Ты не будь, Русь-матушка, сердита,
поминай ушельца иногда,
ибо в жизни жившего открыто
самого зловредного пиита
меньше, чем в твоих столпах, вреда.

Евгений Евтушенко

И здесь, и том, и долее гробница:
То по следам племен разросся ряд могил...
Из книги тайн здесь выпала страница
И нам гласит, что мир их пережил.
Довольно! Мы почти все разгадали:
Нам ведомо, что мир переживет
И то, что мы веками создавали,
И нас самих, и наших дум полет...
Но не грусти, что червь тебя изложет
В ничтожестве и прахе, человек!...
Что было раз, того не быть не может,
Что создано, то создано навек.

23 мая 1846

Миньоне

(М. П. К<орниловой>)

Пусть апрель распускается дольше;
Нам отраднее первой весной...
Не расти, моя девочка, больше:
Ты чаруешь незрелой красой!
Не для гроз ты палящего лета,
Не для поздних плодов создана...
Хороша ты, зарею одета,
Пробудившись недавно от сна...
Ты надеждами детства прекрасен,
Неразвитый, но милый цветок!
Нет, твой полдень не будет так ясен,
Как облитый румянцем восток...
Ты невольню в житейском волнении
Отдалишься от правды твоей.
О, постой же на этом мгновеньи...
Не люби, не цвети и не зрей!

17 августа 1854

Когда любовь моя смущает ваше счастье,
Забудьте про нее... Зачем меня любить!
Я благодарен вам за прошлое участие, -
Я вашим счастьем буду жить.
Пора мне в путь... Скажите мне, не вы ли
И кров любви простерли надо мной,
И, странника, меня у сердца приютили.
Где я гостил и отдохнул душой?...
Невольны мы в любви и в охлаждении:
Я вас не упрекну изменой никогда...
Нет! Чувство, как и мысль, всегда горит в движении,
И чувству есть свой возраст и чреда...
Но как боялся я, чтоб вы не помутили
Слезой обо мне своих небесных глаз...
Я счастлив тем, что вы меня забыли,
Я счастлив тем, что не забуду вас!
1843, 1855

В альбом ребенка

Будь в жизни прям и непритворен,
Враждуя с ложью и со злом,
И да не будет опозорен
Твой фрак звездой иль крестом.
1857

Русская история

(Посвящается отечественным государственным людям)

Одно мы пред судом народов
Собой способны доказать,
Что может шайка идиотов Народом умным управлять.
Насколько туп синклит державный,
Настолько даровит народ,
И это в Руси православной
Чрез всю историю идет...
Умерь же свой восторг и клики,
Устрялов, старый балагур:
Мы видим, - даже Петр Великий
Был гениальный самодур.
1859

Пред памятником Петру I в Петербурге

Нет, не змия Всадник медный
Растоптал, стремясь вперед, -
Растоптал народ наш бедный,
Растоптал простой народ.
1859

1 Николай Герасимович Устрялов (1805 - 1870) академик, автор "Русской истории" (т. 1 - 5, СПб. , 1837 - 1841). В 1858 - 1859 вышли 4 тома его "Истории царствования Петра Великого".

ЦГТБ имени А. П. Чехова